

О натурализации метафизики

Цель работы – показать множественность смыслов термина «натурализм» в метафизике. Натурализация метафизики является конструктивным средством анализа философских проблем, в частности позволяющим найти решение проблемы дуализма субстанций. Автор показывает отличия онтологического натурализма от методологического натурализма.

Ключевые слова: натурализация; натурализм; каузальность.

В современной метафизике можно выделить несколько методологических подходов: от традиционных априорных концепций, настаивающих на невозможности использовать понятия естественных наук при обсуждении метафизических терминов, до использования информативного материала о сознании, который дает когнитивная наука, рассматривая конструктивную деятельность мозга. Попытка использовать язык естественных наук для описания феноменологического опыта открывает перспективы для частичной натурализации метафизики. Подробный разговор о натурализации метафизики невозможен без обращения к множественности смыслов термина «натурализм».

Термин «натурализм» не имеет точного значения в современной философии и в целом обозначает популярный в настоящее время в эпистемологии антикантианский подход. В эпистемологической перспективе натурализм можно обозначить как притязание, которое опять-таки можно по-разному сформулировать, дать лучшее, чем предшествующие подходы, объяснение различных проблем.

Постоянное использование термина связано с дебатами в философии в первой половине XX века. Самопровозглашенные «натуралисты» того периода (Дж. Дьюи) обозначили оппозицию «природа – воспитание» (nature – nurture). Игра слов и звуков предопределила поиски степени соотношения естественного и искусственного, влияния природного на социальное, расстановки акцентов в соотношении наследуемого и зависящего от окружающей среды в социологии, психологии и педагогике. Эти философы поставили своей целью обозначить возможности более тесного сотрудничества философии с наукой. Они утверждали, что реальность исчерпывается природой, не содержит ничего «сверхъестественного» и что научный метод должен быть использован для исследования всех областей реальности. Отсюда следует, что термин «натурализм» не вполне информативен. Подавляющее большинство современных философов с радостью принимает натурализм как методологическую установку, как только речь заходит о «сверхъестественных» объектах и возможностях науки приблизиться к истинам о человеческом духе.

Популярность натурализма в современной метафизике совмещается с его неоднородностью: речь идет о либеральном натурализме (Х. Патнэм). Оптимистические натуралисты (Д. Деннет) размышляют об особых, правильных инструментах познания, поскольку самые серьезные трудности встречаются при использовании редукции и элиминации (Т. Нагель, М. де Каро). Разочарованные натуралисты (А. Розенберг) задают фундаментальные вопросы о жизни, пытаясь из разных кусков реальности составить целостную картину.

* **Нина Юрьевна Игнатова**, д-р филос. наук, доцент, Нижнетагильский технологический институт (филиал) УрФУ (г. Нижний Тагил).

Современные философы интерпретируют термин «натурализм» по-разному. Эти расхождения в толковании не случайны. Натурализм рассматривается как логичный и убедительный подход в философских кругах, однако некоторые философы провозглашают себя «не-натуралистами». Философы с относительно «слабыми» натуралистическими утверждениями склонны понимать этот термин предельно широким образом, в то время как те, кто поддерживает «сильную» установку натурализма, стремятся установить узкие границы термина.

Вместо того чтобы погрязнуть в вопросе дефиниции, будем использовать другую стратегию. Попытаемся определить круг философских идей, которые укажут границы использования данного термина и прокомментируем их философскую состоятельность. Основной акцент будет сделан на том, насколько эти утверждения состоятельны, а не на том, являются ли они окончательными. Важно сформулировать и оценить аргументацию, понять, что привело философов к натурализму.

В натурализме XX века могут быть выделены онтологический и методологический ракурсы. Онтологический натурализм связан с подходом к содержанию реальности. Утверждается, что в реальности нет места для «сверхъестественных» феноменов. В противоположность этому методологический натурализм связан со способами исследования реальности, утверждает приоритет научного метода. Безусловно, утверждения натуралистического толка играют более значимую роль в смежных науках, чем в философии. История психологии, биологии, социологии и физики может рассматриваться как пример изменения отношения к принципам натурализма и его методологическим установкам.

Онтологический натурализм

Центральный пункт онтологического натурализма – все пространственно-временные объекты должны быть однородными (гомогенными) и метафизически представлять собой физические сущности. Аргумент о легкости объяснения мира данными физических наук вытекает из «дилеммы теоретика» К. Гемпеля: физическое – это либо то, что сейчас постулируется физикой, либо то, что будет описано ею в недалеком будущем. Позиция радикального физикализма получила обоснование в «Метафизическом манифесте» (Э. Мельник). Если вслед за Э. Мельником считать, что психическое не обладает той значимостью, какую ему приписывает традиция, то возникает вопрос: почему ментальное реализуется как сознание? После чтения «Метафизического манифеста» остается неясным, какие физические объекты и как именно провоцируют существование Я. Именно осмысление проблемы «сознание – тело» приводит к широкому распространению натурализма, указывает Э. Голдман [1].

Натурализм основывается на тех же методологических установках, что и физикализм. Многие онтологические натуралисты, таким образом, занимают физикалистскую позицию в психических, биологических и других частных науках. Они считают, что в психических, биологических и социальных сферах действуют физические сущности. Онтологическая или супервентная связь между ментальным и физическим – первая трудность онтологического натурализма. Способ ее решения обычно называют редуктивным натурализмом. Редуктивный натурализм отталкивается от редукции психических состояний к активности мозга, когда принятие решений, убеждения, верования сводят к нейронной активности. Ответ на вопрос «Кто я?» можно объяснить определенной нейронной реакцией, однако эта реакция ничего не скажет о том, с кем я сейчас или где я нахожусь. Редукция может быть и иной: сознание как эпифеноменальный феномен уподобляют сложной системе, замкнутому органическому целому, возникающему как продукт множества физических состояний и подсистем.

В других случаях редукция происходит потому, что философ считает, что у нас нет языка, чтобы адекватно справиться с проблемой «сознание – тело». Чем сложнее ситуация, тем большие затруднения для ее описания мы испытываем. Любая попытка объяснения подобной сложной проблемы вынуждает нас уменьшать ее сложность. Язык не всегда позволяет обозначать место действия или окружение (актант). «Трудная проблема сознания» может привести к предположению, что феноменальный опыт – это иллюзия (Д. Деннет) или что разум и тело – разные уровни описания одного и того же феномена (Дж. Серл).

Иногда, и на это указывает Питер Ангер [6], ученые постулируют некие промежуточные объекты, которые однозначно не являются физическими объектами: информация, кодирование, ментальные карты и т. п. По мнению Р. Манзотти, это онтологически пустые понятия, которые ничего не добавляют к пониманию причинных связей в реальности. Онтологически пустые понятия фактически приводят к утверждению разных видов дуализма: субстанционального дуализма с понятием «субстанция» (П. Суинберн), эмерджентного дуализма с понятием «эпистемический индивид» (Р. Хаскер), натуралистического дуализма с понятием «супервентность» (Д. Чалмерс).

Еще одна трудность онтологического натурализма: мир должен мыслиться как каузально замкнутое соединение причин и следствий. Каузальная замкнутость означает, что поток причин и следствий должен быть гомогенным и непрерывным. Главная сложность проблемы каузальности – это принцип каузальной замкнутости физического, который можно сформулировать так: каждое физическое событие имеет только физическую, и никакую иную, причину. Физический мир каузально замкнут и не допускает разрыва в каузальных цепях. Основная цель онтологического натурализма заключается в том, чтобы объяснить, как и в силу чего отношения между вещами порождают причинные отношения без привлечения сверхъестественных сущностей, т. е. как ментальные свойства могут быть каузально релевантными. Пока дело не касается сознания, натурализм не сталкивается с концептуальными трудностями истолкования природы каузального взаимодействия, так как все предметы и события наблюдаемы и сопряжены в пространстве и времени. Как только появляются ментальные события, проявления которых наталкивает на мысль, что они каузально действительны, возникают концептуальные затруднения. Поэтому онтологический натурализм может сопровождаться дуалистическими представлениями об устройстве мира, одна часть которого – физическая, а другая – ментальная. Разговор о метафизике в истории философии начинается с постулирования двух субстанций. Но взаимодействие этих субстанций представляется с позиций субстанционального дуализма просто невозможным. И мы вынуждены признать, что верна какая-то форма параллелизма, или эпифеноменализма, или супервентности. Способом решения проблемы последствий каузальной замкнутости физического является интерактивный дуализм. В интерактивном типе каузальности тела и сознания предполагается, что они могут взаимно влиять друг на друга. Именно этот слабый аргумент дуализма подвергается критике чаще всего. Но если этот аргумент – главная проблема ментальной каузальности, то ментальная каузальность – главная проблема онтологического натурализма.

Многие современные философы стали физикалистами в ментальном плане, так как в противном случае невозможно объяснить, как психические процессы могут влиять на наши тела. Аналогичные соображения побуждают философов рассматривать социальную сферу как разновидность биологического мира, как организм (Г. Спенсер).

Современные научные теории строго ограничивают спектр систем, активность которых может сопровождаться физическими эффектами. Учитывая, что психические, биологические и социальные явления в самом деле обладают такими эффектами, следует признать, что их понимание должно удовлетворять вводимым ограничениям. Важно отметить, что эти аргументы касаются только тех сущностей, которые действительно содержат в себе физические эффекты. Эти ограничения не накладываются на математические системы и мир морали.

Неясно, почему необходимо учитывать, что физические эффекты должны навязывать какие-либо существенные ограничения на некоторые положения натурализма. В конце концов, тысячи лет не казалось ничего априори некорректного в идее предельно ненаучных «сверхъестественных» событий, оказывающих причинное влияние на физические процессы, как убедительно свидетельствовали мифы о физическом облике сверхъестественных богов и других диковинных существ, вплоть до обоснования Х. Патнэмом по-miracle-аргумента («мир без чудес»). Тем не менее не может быть апостериорных возражений против подобных сверхъестественных каузальных влияний на физические объекты, даже если нет априорных возражений.

Иногда предполагают, что онтологический натурализм основывается не на мотивированном аргументе, а на каком-то принятом без возражений утверждении или допущении. Этот вывод поддерживает представление об исторической случайности натуралистической доктрины в метафизике, в особенности в связи с тем, что она стала очень популярна только в последние десятилетия. Знакомство с историей науки показывает проблему в ином свете. Оказывается, натуралистические доктрины следуют за эфемерной модой, реагируют на существующее и постоянно меняющееся в науке мнение о диапазоне причин, которые могут вызывать физические эффекты.

В истории науки данная проблема решалась следующим образом: 1) механистическая физика XVII в. описывала очень узкий круг таких причин; 2) ньютоновская физика не накладывала каких-либо ограничений на причины физических эффектов; 3) открытие закона сохранения энергии в XIX в. вновь ограничило круг возможных причин; 4) нейрофизиологические исследования в XX в. строго обосновали необходимость дальнейших ограничений [3, с. 3–17].

Рассмотрим схему Д. Папино более подробно.

1. Механистические философы XVII века считали, что любое материальное тело поддерживает постоянную скорость, если на него не воздействует другое тело, и что все происходит в результате удара одной материальной частицы о другую. Механицизм исключает любые физические эффекты, кроме влияния материальных частиц. Лейбниц ясно видел это и заявил, что такое понимание дискредитировало интерактивный дуализм Декарта, который подразумевал существование нематериальной души, влияющей на физический мир. Лейбниц не отвергал дуализма, поскольку, как физикалист, утверждал, что ум состоит из материальных частиц.

2. В конце XVII века на смену механистической философии Декарта и Лейбница пришла ньютоновская физика. Ньютоновская физика открыта для рассуждений о существующих в мире фундаментальных силах: магнитных, химических, гравитационных, ударных и иных возможных. Это восстановило интерес ученых к интерактивному дуализму, так как позволило исследовать бестелесные ментальные и витальные силы, способные вызвать физические эффекты. Соответственно, ньютонианцы изучали действия ментальных сил в материальном мире, что полностью согласуется с принципом физики Ньютона. Кроме того, нет ничего в исходных принципах ньютоновской механики, чтобы

исключить различные духовные/душевные/умственные силы, возникающие автономно и спонтанно в соответствии с общими предположениями о работе ума.

3. В середине XIX века в качестве основного принципа физики был принят закон сохранения энергии. Сам по себе этот закон не исключает действия фундаментальных психических или витальных сил, ибо нет никаких причин, почему такие силы не могут компенсировать потери кинетической энергии в процессах преобразования ее в потенциальную энергию и наоборот. Термин «нервная энергия» является пережитком XIX века и означает, что психические процессы являются разновидностью потенциальной энергии, которая затем реализуется в действии. Тем не менее закон сохранения энергии действительно подразумевает, что любые ментальные силы должны регулироваться строгими физическими законами: если психические или витальные силы возникают спонтанно, то ничто не гарантирует, что они никогда не приведут к возрастанию энергии.

4. В XX веке научное мнение еще строже ограничило возможные причины физических эффектов; как следствие, были отклонены *любые* ментальные или витальные причины, даже в закономерном и предсказуемом виде. Подробные физиологические исследования нейронов не дали никаких разъяснений относительно любых физических эффектов, которые не могут быть объяснены с точки зрения основных физических сил, действующих на живые организмы. К середине XX века вера в *особые* психические или витальные силы стала мнением меньшинства.

Эта история проливает свет на эволюцию натурализма в метафизике. Если в начале XVIII века Лейбниц колебался между доминировавшим строгим механицизмом и интерактивным дуализмом, то после поражения механицизма наука перестала выдвигать возражения *vs* дуализма и против исследования нефизических причин физических сущностей. Подчеркнем, что либерализация представлений о количестве действующих причин после Ньютона привела к широкому распространению дуализма. В результате, по умолчанию, интерактивный дуализм не отрицал влияния широкого круга нефизических причин, в том числе спонтанных психических воздействий, или, как тогда называли, душевных волнений. В XIX веке идея сохранения энергии допускает, что особые нефизические силы могут действовать в физическом мире, но они должны удовлетворять строгим требованиям законов Ньютона. По-прежнему было широко *распространено* представление *об особых* ментальных и витальных силах, но обширные философские дебаты о значении сохранения энергии привели к признанию, что любые такие силы должны носить закономерный характер и таким образом поддаваться научному исследованию. Мы могли бы рассматривать это как разновидность онтологического натурализма. Но при этом необходимо помнить, что такой подход не может быть назван натурализмом в строгом смысле. Психические силы были нефизическими, они возникали лишь в особых обстоятельствах и не во всех пространственно-временных областях реальности, но даже в этом случае они подпадали под действие научных законов и не обладали спонтанной автономией. Следует упомянуть, что эта разновидность «слабого» натурализма фактически создала возможность для сомнений в фундаментальности и универсальности свободы воли.

В конце XX века изобретение концепции замкнутой каузальности привело к полноценному физикализму. Идея физической каузальности подразумевает, что, если психические и другие ментальные причины порождают физические эффекты, они должны сами иметь физическую природу. Таким образом, это привело к «сильному» натуралистическому утверждению, что всё, что имеет

физические эффекты, само должно быть физическим, или к тождеству ментального и физического.

В дополнение к такому пониманию истории естественных наук следует вспомнить, как философы в XX веке формулировали аргументы в поддержку физикализма. Некоторые из философов выдвинули идеи восходящей и нисходящей каузальности (К. Поппер). В середине XX века в аналитической философии стала популярной метафора сознания – «номологический Бездельник»¹. Считалось, что наука должна найти основу психических состояний в состояниях мозга, в противном случае эти психические состояния будут «номологическим Бездельником» и не сыграют никакой роли в объяснении поведения. На первый взгляд неочевидно, что эти аргументы требуют исследования полноты каузальности физического. Но простейшее размышление покажет, что ни один из этих аргументов не будет убедительным, если не предполагается тезис о замкнутости причин и следствий. Таким образом, остается непроясненным, почему некоторые физические эффекты (знаменитый пример Дж. Серла – движение руки или активность нейронов, которые обеспечивают эти движения) не определяются с помощью известных физических причин, но являются *в некотором роде* теоретическими допущениями (свобода воли).

Иногда предполагается, что индетерминизм современной квантовой механики создает пространство для возможности нефизических причин влиять на физический мир. Тем не менее, если квантовая механика утверждает, что некоторые физические эффекты пока невидимы, это не дает оснований сомневаться в замкнутой каузальности и в том, что ненаблюдаемые события каузально предопределены релевантными физическими условиями. Так что принцип замкнутой каузальности является основанием для исследования естественных феноменов.

Противники нередуктивного натурализма настаивают, что отказ от замкнутой каузальности приводит к неправомерному распространению причин физических эффектов на ментальные причины. В ответ сторонники нередуктивного натурализма отвечают, что нет ничего плохого в сверхдетерминации или очевидном дублировании причин, если последняя причина метафизически следует за первой. Вместе с тем, очевидно, было бы абсурдно утверждать, что физические явления имеют две независимые метафизические причины. Применив этот «сильный» аргумент, мы должны прийти к выводу, что не могут существовать метафизически независимые ментальные причины, если у физического феномена уже найдены физические причины. В «слабом» варианте натурализма поиск независимой ментальной причины возможен, даже если однозначно найдена физическая причина феномена. Скажем, для переживания любви необходимо не только наличие мозга, но и определенные ментальные причины. Джаэгвон Ким считает, что существуют только так называемые инстанцированные (подтвержденные) свойства и отношения [2, с. 67]. Подтвержденными могут быть только физические свойства и отношения. Из этого следует, что если некоторые психические объекты, такие как боль, существуют, то они должны быть идентичны физическим сущностям. В этом и других подобных случаях ментальная причина не просто дополняет физическую, поэтому такое рассуждение является возможным. Согласно Дж. Киму, психические свойства не однотипны с физическими свойствами, даже если они следуют за ними. Но из этого следует, что любая ментальная причина будет отличаться от физической причины. Другие философы возражают, что нередуктивный натурализм на самом деле не удовлетворяет исходному тезису натурализма, поскольку, хотя

¹ Бездельник – персонаж английских детских песенок «Сказки Матушки Гусыни» (перевод С. Маршака): «Я – Король, вот мой дворец, а ты – Бездельник и подлец!»

психические состояния вызваны физическими состояниями, их нельзя свести к физическим свойствам.

Методологический натурализм

Прежде всего необходимо упомянуть о связи философии, религии и науки. Методологический натурализм утверждает, что религиозные обязательства не имеют никакого значения внутри науки: само естествознание не требует специфического отношения к религии и может быть осуществлено как приверженцами религиозных конфессий, так и атеистами или агностиками. Следовательно, методологический натурализм не влечет за собой философского натурализма, атеизма или агностицизма. Не все философы одобряют этот тезис: Элвин Плантинга утверждает, что религиозные доктрины определяют разницу в методологии исследований [4, с. 6].

Метафизическому познанию предшествует убежденность философа или ученого в принципиальной познаваемости мира. Эта «наивная вера в упорядоченность мира» направляет научные изыскания, в ходе которых, если они выполнены методологически правильно, следует ожидать, что порядок природы раскроет себя с необходимостью. Однако «наивная вера в познаваемость мира» тоже не в полной мере наивна. За ней скрывается определенная познавательная традиция. Ученые и философы не невинные младенцы, а члены научного сообщества, прошедшие образовательный ценз, следовательно, их метафизические ожидания относительно природы подкреплены «школой».

Философы различаются в своих первоначальных взглядах на естественные науки. Некоторые философы признают первичность науки и ищут пути, на которых философия может быть освещена лучами научной истины. Другие философы смотрят на науку с подозрением, утверждая, что любая зависимость от науки так или иначе нарушает автономию философии. В принципе всегда найдутся философы, которые заявят, что различия между философией и наукой поверхностны, есть разница в предмете исследования, но нет разницы в целях или методах. В любом случае, сциентистски ориентированная философия не проводит эмпирических исследований, а антисциентисты признают важность данных, полученных наукой, для формирования картины мира.

Термин «методологический натурализм» понимается по-разному: и как метод естественных наук, и как сугубо философский метод. Если мы хотим серьезно обсуждать проблему философского метода, мы должны выйти за рамки эмоциональных реакций на науку и посмотреть на конкретные методологические обязательства. Фундаментальные философские и научные утверждения используют априорные синтетические суждения и апостериорные исследования.

В некоторых учебниках философии можно встретить утверждения, что философские суждения отличаются большим обобщением и там, где ученые думают о квантах или звездах, философы рассуждают о пространственно-временном континууме. Однако не все философские вопросы обладают большой общностью, например слабость воли, значимость оригинальности в искусстве или семантика фантастики и массовой культуры. Следствием этого является предположение, что альтернативные представления о методе в философии невозможны, поскольку на эксперименты она не способна. Как увязать все эти суждения, если наше мышление иногда представляет собой теоретическую путаницу, поддерживает различные направления рассуждений, которые приводят нас к противоречивым выводам? Жизнь требует от нас распутывания загадок, в том числе, возможно, скрытых в неясных предположениях, которых мы сразу не понимаем, и заставляет искать альтернативные пути. Здесь апостериорные суждения не будут решающими для теоретических выводов, ведь часто бывает так, что все данные у нас давно имелись, но найти решение мы не способны. Именно поэтому философия обра-

щается к интуиции и мысленным экспериментам. Главной особенностью современной философии являются мысленные эксперименты: дилемма Геттгера, «мозги в бочке» Х. Патнэма, «черно-белая Мэри» Дж. Кима и т. п. Думается, что мысленные эксперименты играют важную роль и в естественных науках. Здесь ученый тоже представляет себе некоторые возможные ситуации, а затем высказывает интуитивное суждение о том, что́ будет происходить. Самые знаменитые мысленные эксперименты ученых – анализ Галилеем свободного падения и возражения Эйнштейна против исчерпанности физической теории. Но подобные теоретические рассуждения представляют собой не некие концептуальные претензии, а, скорее, синтетические суждения высшего уровня. Если интуиция в мысленных экспериментах опирается на синтетические суждения, то зачем им доверять? Нет никакой очевидной причины полагать, что синтетические интуиции философов надежны, да и некоторые исторические факты позволяют сделать вывод, что философы могут ошибаться. Именно поэтому некоторые философы выступают за ревизию философской методологии (Х. Корнблит), утверждая приоритет натурального знания, полученного эмпирическим путем, над концептуальным анализом.

Методологический натурализм более присущ некоторым разделам философии, таким как метафизика, философия сознания и эпистемология, где выстраиваются искусственные теории, поддерживаемые *апостериорными* доказательствами. Но в других разделах философии методологический натурализм может показаться неуместным, в частности может быть непонятно, как его применять в философии математики или этике. Один из возможных способов решения этой запутанной проблемы – объявить некоторые разделы философии маргинальными (И. Касавин). Можно пойти вслед за Б. Расселом и признать, что *Philosophia Perennis* «не должна заниматься объектами на поверхности Земли либо в Солнечной системе. Философское утверждение должно быть применимо ко всему, что существует или может существовать» [5, с. 100]. Можно также предположить, что для математики и этики онтологический и методологический натурализм неприемлем. Их возможности ограничены ирреализмом и онтологическим ненатурализмом.

Литература

1. Goldman A. Naturalizing Metaphysics with the Help of Cognitive Science. – 2010. – URL: <http://fasphilosophy.rutgers.edu/goldman/Goldman%20%20Naturalizing%20Metaphysics%20w%20Cognitive%20Science%20%28Final,%209-24-13%29.pdf>
2. Kim J. Mind in a Physical World. – Cambridge, MA : MIT Press, 1998.
3. Papineau D. Philosophical Naturalism. – Oxford : Blackwell, 1993.
4. Plantinga A. Warrant: the Current Debate. – N.Y., 1993.
5. Russell B. On Scientific Method in Philosophy // *Mysticism and Logic and other Essays*. – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Mysticism_and_Logic_and_Other_Essays/Chapter_06
6. Unger P. Free Will and Scientiphysicalism // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2002. – Vol. 65. – URL: <http://philosophy.fas.nyu.edu/docs/IO/1179/freewill.pdf>

Nina Yur`evna Ignatova,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Nizhny Tagil Institute of Technology (Branch)
of the Ural Federal University (Nizhny Tagil)

The Question of Naturalizing Metaphysics

The paper aims to show the multiplicity of meanings of the term naturalism in metaphysics. Naturalization is a constructive tool for the analysis of philosophical problems, in particular, it allows finding a solution to the problem of dualism of substances. The author shows the differences of ontological naturalism from methodological naturalism.

Key words: naturalization; naturalism; causality.